

Любовь Мельникова: Человек, абсолютно надёжный во всём
Lyubov Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A man who is absolutely reliable in everything

DOI: 10.31857/S2949124X25020138, EDN: DQKZME

В памяти всех, кто знал и любил Сергея Сергеевича Секиринского, он навсегда остался высоким, харизматичным мужчиной с обаятельной, слегка ироничной улыбкой, с лукавым взглядом горящих глаз, полным энергии и новых творческих идей. Выглядел он всегда молодо. Помню, однажды спросила, почему родители не называли его Юрием, ведь он появился на свет 12 апреля, в День космонавтики. В ответ я с удивлением услышала: «Я уже очень старый, Люба. Я родился ещё до полёта Гагарина в космос». К сожалению, дожить до старости ему было не суждено. Он ушёл из жизни всего лишь в 57 лет...

С Сергеем Сергеевичем мы были знакомы в течение девяти лет (2003–2012), и почти всё это время вместе работали в редакции журнала «Отечественная (Российская) история», наши рабочие столы долго стояли в одной комнате. В 2012 г. он переехал в кабинет главного редактора, но часто заходил к нам в 49-ю, с которой успел сродниться. Многие вопросы мы по-прежнему обсуждали там. Будучи более 20 лет редактором отдела Новейшей истории, Сергей Сергеевич в каждый номер сдавал несколько статей и рецензий, а иногда и умело подготовленные им «круглые столы». Мастерски редактируя тексты, он мог пропустить какие-то опечатки или неожиданно внести серьёзную правку в уже сверстанный материал. На укоры М.А. Новиковой, принимавшей вёрстку и любившей, чтобы в ней всё было «чисто», отвечал шутками с чуть смущённой улыбкой, что всегда смягчало её сердце.

В редакции царила тёплая, дружественная, творческая атмосфера. Особенно это чувствовалось во время «посиделок», регулярно собиравшихся по поводу праздников, дней рождений или других значимых событий в жизни коллег. Сергей Сергеевич был настоящей «душой компании». А его искромётные, полные тонкого юмора диалоги с Ю.А. Петровым, также работавшим прежде в редакции и иногда посещавшим её впоследствии, вызывали всеобщий восторг и искренний, весёлый смех.

Внимательный и неравнодушный, Сергей Сергеевич прекрасно разбирался в людях, хорошо их чувствовал. В разных жизненных ситуациях я до сих пор подчас невольно вспоминаю его меткое наблюдение: «Люба, большую часть своих проблем Вы создаёте себе сами». Он умел дружить, всегда был готов помочь, даже если его об этом не просили. Например, когда моя дочь поступала в первый класс престижной гимназии с углублённым изучением иностранных языков, он давал мне советы, как можно облегчить этот процесс. Сказал, что сам в своё время в подобной ситуации говорил с директором школы, предлагая читать там лекции. Узнав, что моя дочь зачислена, он с искренней радостью тепло меня поздравил. Помню, как мы с ним горячо «болели» за Петрова во время выборов директора Института российской истории РАН и как радостно поздравляли друг друга с его назначением на эту должность. Забота о людях проявилась в полной мере, когда Сергей Сергеевич стал главным редактором журнала. Он сразу же ввёл всех редакторов отделов в состав редколлегии и обратился в дирекцию Института с просьбой установить всем сотрудникам редакции надбавку к зарплате. При этом Секиринский ревностно следил за тем,

чтобы его подчинённые не получали от дирекции каких-либо дополнительных поручений, говоря в таких случаях: «Есть другие люди!».

Предложение директора возглавить журнал вызвало у Сергея Сергеевича смешанные чувства. Конечно, он прекрасно понимал, что является основным кандидатом в силу своего профессионализма, коммуникабельности, многолетнего опыта редакторской работы (в том числе руководства собственным изданием «Историк и Художник») и способности вывести журнал на новый уровень. Однако к тому времени подобного рода деятельность его уже несколько утомляла, с чем был связан и уход из редакции в 2011 г., ему всё сильнее импонировала научная работа в Институте. К тому же он вёл два проекта РГНФ, преподавал в вузе, всё это отнимало у него много времени и сил. Тем не менее чувство долга и некий врождённый азарт перевесили чашу сомнений и колебаний, и Сергей Сергеевич согласился. Принимая мои поздравления с назначением на должность главного редактора, он грустно посетовал на несвоевременность события: «Если бы это произошло лет десять назад...». Учитывая свою загруженность, Сергей Сергеевич вернулся к практике, существовавшей в 1960–1980-х гг., и назначил заместителями сразу двух сотрудников редакции: А.В. Мамонова и И.А. Христофорова. Они действительно оказали ему существенную помощь в его начинаниях.

«Российскую историю» Сергей Сергеевич возглавлял последние семь месяцев своей жизни. За этот короткий срок он успел сделать очень много: подготовил программу развития журнала, сформировал редакционный совет, обновил состав редакционной коллегии (при этом каждая кандидатура подбиралась им очень тщательно, в обоих коллегиальных органах не было ни одного случайного человека), разработал новую систему рубрик, сделавшую структуру номера более выразительной и гибкой. Среди разделов появился и «Диалог о книге», которому Сергей Сергеевич придавал особое значение, желая разрушить устоявшийся в академической среде стереотип, будто журнал — это сборник научных статей, выходящий с определённой периодичностью. По его мнению, статьи, «обычно представляющие собой лишь более или менее удачные фрагменты будущих монографий», превращали журнал в «своего рода промежуточную станцию на пути автора к книге» и в конечном итоге «оттесняли сами книги на задний план». Считая монографии не только «главными биографическими фактами» в жизни учёного, как говорил В.О. Ключевский, но и «важнейшим симптомом жизнедеятельности научного сообщества в целом», Сергей Сергеевич решил исправить этот «странный перекося». Помимо привычных рецензий, большая часть которых лишь пересказывала содержание той или иной работы, он предоставил учёным возможность сообща обсуждать наиболее значимые для них книжные новинки, споря друг с другом и с автором произведения, предлагая свои взгляды на затронутые им проблемы и т.п. Как показал опыт, «Диалог о книге» оказался очень удачной находкой: в течение вот уже 12 лет эта рубрика является своеобразной *изюминкой* «Российской истории».

Сергей Сергеевич считал, что в деятельности главного редактора важна каждая мелочь: как расставить стулья на заседании редколлегии (неприменно амфитеатром), как расположить стол в его кабинете (не параллельно стене, а под углом к ней), какой кофе пить с посетителями — всё это должно было создавать атмосферу для непринуждённого общения, способствовать «режиму постоянного диалога». В перспективе Сергей Сергеевич планировал открыть

при «Российской истории» Клуб авторов, читателей и друзей журнала по примеру Клуба, существовавшего при журнале «Историк и Художник». Эта мысль особенно захватила его после заседания Никитского клуба 18 октября 2012 г., где он выступил с докладом «Наполеон в России: судьба легенды», вызвавшим живой отклик присутствовавших. Вообще в публичных дискуссиях Сергей Сергеевич чувствовал себя в своей стихии, поэтому остаётся только сожалеть, что свой Клуб при «Российской истории» не успел появиться.

Осенью 2011 г. Сергей Сергеевич предложил мне принять участие в коллективном исследовательско-издательском проекте РГНФ «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России». О 200-летию одного из важнейших событий русской истории в Фонде, видимо, вспомнили с большим опозданием: конкурс объявили в самый канун юбилея, условия были «драконовскими» — книгу следовало написать и издать в течение одного года. Задача казалась невыполнимой, но Сергей Сергеевич верил в то, что правильно сформированный авторский коллектив (помимо меня он привлёк к работе А.В. Голубева, А.А. Подмазо и Н.Н. Ауруву) и имевшийся у нас задел обеспечат необходимый успех. Сергей Сергеевич собирался возглавить нашу группу, но вскоре выяснилось, что, по правилам РГНФ, нельзя руководить двумя проектами одновременно, а у него уже имелся свой индивидуальный грант. Тогда ему пришлось передать руководство мне. При этом повёл он себя с присущим ему удивительно тонким чувством такта: с одной стороны, вместе со мной занимался составлением заявки и разработкой плана-проспекта, с другой — сделал небольшой, но всё же осязаемый для нас обоим шаг назад, дав мне почувствовать, что руководитель я отнюдь не формальный.

Коллективные труды исследователи часто с горькой иронией называют «братскими могилами», слишком многое зависит от соавторов. Здесь как в другой расхожей фразе о готовности пойти кем-то в разведку. Сергей Сергеевич был абсолютно надёжен во всём. С ним можно было хоть в разведку идти, хоть браться за коллективную монографию со сжатыми сроками подготовки. Во время работы над проектом мы постоянно находились на связи: обменивались идеями, посылали друг другу тексты, показывали и обсуждали находки. Он по-настоящему увлёкся этим делом и хотел выпустить к юбилею достойную книгу.

Тема, которую мы выбрали для исследования, комплексно в историографии ещё не освещалась. В культурной памяти об Отечественной войне 1812 г. мы видели часть исторической памяти народа — складывавшийся десятилетиями, подверженный постоянным изменениям (при переменах в системе международных отношений и общественно-политической жизни внутри страны) и вместе с тем относительно стойкий комплекс представлений, образов и способов их фиксации в сознании российского общества, в разных сферах его социальной и культурной жизни. Мы показали, что в основе её лежали те представления, которые складывались уже в ходе вооружённой борьбы с неприятелем. Этому способствовали созданные современниками мемуарные, публицистические, художественные, поэтические, эпистолярные произведения, а также гравюры, рисунки и карикатуры, фиксировавшие отдельные события; немаловажную роль играли периодическая печать и официальная пропаганда. В дальнейшем, на протяжении двух столетий, формирование и сохранение данной традиции продолжалось, причём огромную роль играли как действия государства, которое инициировало или поддерживало проведение юбилейных

торжеств, создание посвящённых победе над Наполеоном памятников, музеев, произведений архитектуры, скульптуры, живописи и кинематографа, так и частные и общественные инициативы. Один из главных выводов, к которому мы пришли, состоит в том, что в 1812–1814 гг., во многом благодаря активной позиции светских и духовных властей, а также образованной части общества, в России сложилась парадигма священной Отечественной войны и сформировался образ врага, которые впоследствии оказались востребованными как во время новых военных конфликтов, так и в ряде коллизий мирного времени.

Трансформации в национальной памяти представлений о поверженном враге, или, другими словами, преломлению и видоизменению в России наполеоновского мифа, посвящена в нашей книге большая глава Сергея Сергеевича²⁸. Он убедительно показал, что в русском сознании Наполеон никогда не воспринимался исключительно как завоеватель, разоривший «пол-России», гораздо больше в нём привлекает сильная личность, творившая мировую историю. Даже у многих современников, участников войны 1812 г., он вызывал противоречивые чувства, которые поручик И.Т. Радожицкий выразил лаконичной формулой: «Гению подражали, а врага ненавидели»²⁹. Со временем, особенно после смерти Наполеона, «чёрная» легенда о нём, созданная в 1806–1814 гг., почти совсем отошла на задний план, уступив место «светлой». Поэтому, по мнению Сергея Сергеевича, «парадоксальный характер» российской культурной памяти о войне 1812 г. придаёт ей «дуализм», при котором русский патриотизм вполне уживается с культом Бонапарта. «Едва ли не в каждом поколении русских юношей (а порой и девушек), – писал Секиринский, – по крайней мере, в XIX – начале XX в., у Наполеона были страстные поклонники, в большинстве своём оставшиеся, конечно, совершенно безвестными»³⁰. Особенно много таковых имелось среди русского офицерства, чьё военное образование зиждилось на изучении наполеоновских кампаний, вместе с чем нередко приходили и «более широкие амбиции». На тех, кто увлекался политикой, заметно влияла несомненная связь Наполеона с революцией, из которой он «вышел». При этом среди русских, «горевших» Бонапартом, были как те, кто «уходил» в революционное движение, так и те, кто искал «символ государственного строительства» или испытывал тоску по «гениальной власти»³¹. Советские партийные деятели также боялись бонапартизма и одновременно искали «своего Бонапарта». Сергей Сергеевич показал, что со временем имя Наполеона в России, как и в других странах, стало нарицательным, означающим «выдающегося в том или ином смысле человека вообще, крайнее проявление каких-либо свойств, какими бы они ни были». А «самый универсальный, лиричный и вдохновляющий ассоциативный образ Наполеона в русской культуре» он обнаружил в частной переписке М.П. Чехова, где упоминалось о повадках перелётных птиц, целые караваны которых уводит за собой *передовая особь* – «какой-нибудь маленький птичий Наполеон»³².

2012 год был чрезвычайно тяжёлым. Специалистов по Отечественной войне 1812 г. буквально «рвали на части»: приглашали с докладами на многочисленные конференции, заказывали статьи, брали интервью, многие участвовали

²⁸ Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 313–373.

²⁹ Там же. С. 314–315.

³⁰ Там же. С. 326.

³¹ Там же. С. 340–343, 373.

³² Там же. С. 317.

в различных проектах. Помню, как однажды Сергей Сергеевич понимающе засмеялся, когда я передала ему фразу В.М. Безотосного: «В этом году главное — выжить!». Тогда я и представить не могла, что в отношении него она окажется пророческой. В начале ноября 2012 г. всё шло своим чередом: мы с Сергеем Сергеевичем дописывали монографию, готовились к поездке во Францию на научную конференцию в Университете Кан-Нормандия. Уже обсуждали покупку авиабилетов, как вдруг утром 8 ноября его внезапно не стало. Это был удар, от которого было очень трудно оправиться. Книгу доделывали и сдавали в типографию уже без него. Но у меня не поднялась рука заключить фамилию Сергея Сергеевича в чёрную рамку: никак не могла принять тот факт, что его больше нет. Отсутствие траурной рамки я согласовала с Ольгой Леонидовной и Денисом Сергеевичем Секиринскими, попросив их тогда: «Пусть он ещё немного поживёт!».

Андрей Мамонов: Советы и заветы С.С. Секиринского

Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The advice and precepts of S.S. Sekirinsky

DOI: 10.31857/S2949124X25020144, EDN: DQTWJP

С Сергеем Сергеевичем мне довелось познакомиться, ещё будучи школьником. В середине февраля 1992 г., учась в 10 классе, я делал доклад на импровизированной «конференции» в нашем «Ковшовском лицее» — московской школе № 210, где спортивные классы Общества «Динамо» причудливо, но совершенно бесконфликтно сочетались с гуманитарными (с «углублённым изучением истории»). Отведённый для мероприятия кабинет был полон — учащиеся из числа наиболее заинтересованных, оппоненты-старшеклассники, учителя, директор В.Л. Ковшов и, наконец, особое жюри — кандидаты исторических наук И.В. Карацуба и С.С. Секиринский. При этом Ирину Владимировну мы уже с 8 класса успели полюбить на внеурочных занятиях, а Сергея Сергеевича видели впервые. Молодые учёные и известные публицисты бывали в «лицее» не раз. Причём среди них встречались люди самых разных взглядов и увлечений — от Н.П. Соколова, уже тогда ходившего в крестовый поход против Александра Невского, и М.Е. Бычковой, сухо излагавшей детям геральдические и генеалогические сюжеты, до С.Н. Семанова и И.Р. Шафаревича, который рассказывал почему-то не о «русофобии» и диссидентстве, а о каких-то канадских медведях, чем сильно озадачил сбежавшихся на его лекцию подростков.

Но и на этом фоне Сергей Сергеевич выделялся и запоминался. Он был, кажется, первым, если не единственным, помимо собственно учителей, кто пришёл *не выступать*, а *выслушать* и откликнуться на наши незрелые речи и мысли, поддержать наивные дискуссии, подталкивая их участников к чему-то большему. И это дорогого стоило. Ведь нам уделял внимание учёный, которого мы знали как соавтора популярного тогда (и быстро забытого потом) двухтомника «Наше Отечество»³³. Для нас, учившихся на рубеже 1980–1990-х гг. без учебников, эта книга была очень важна. Конечно, её немного сумбурные очерки не заменяли систематическое пособие, и за *знаниями*, к примеру, о XIX в., при-

³³ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М., 1991.